

“И все-таки я верю!...”

Александр БЕЛИНСКИЙ

Книга драматурга Леонида Зорина “Авансцена” — явление исключительное. Говорю это, не боясь преувеличения. Книгу эту можно поставить на самую первую полку отечественной мемуарной литературы.

Знаменитые книги русских классиков “Семейная хроника” Аксакова, “Детство, отрочество и юность” Льва Толстого и “Детство”, “В людях” и “Мои университеты” Максима Горького, так сказать, эталоны русской мемуаристики имеют форму беллетристического повествования. Что же касается “Моей жизни в искусстве” Станиславского, этой, поисти-

не великой книги о театре, то она написана только о театре.

Я не случайно начал с таких образцов, потому что ставлю мемуары Зорина близко к этому ряду.

История создания сорока пьес, невероятные “хождения по мукам” каждой пьесы на пути к сцене происходят на фоне полстолетия жизни страны, полувека, может быть, одного из трагических в истории нашего отечества. Причем пишет об этом не озлобленный человек, а объективный, много пострадавший художник, сохранивший оптимизм, юмор, и главное, поистине невероятную любовь к своему призванию.

“Авансцена” — добрая книга. Очень добрая. Портреты режиссеров и актеров написаны благодарным пером автора спектаклей и кинофильмов. Я знал и знаю почти всех героев “Авансцены” и считаю, что где-то Леонид Генрихович чересчурнисходителен и всепрощающ. Через всю книгу проходит любовь Зорина к режиссеру Андрею Михайловичу Лобанову — явно недооцененному, замечательному художнику русского театра. С какой болью и нежностью пишет Зорин о его трагической судьбе! А с каким уважением и тонким юмором об Охлопкове. Я не был знаком с Николаем Павловичем и только из книги Зорина до конца понял эту могучую творческую натуру. А Рубен Симонов и Юрий Завадский! Их я знал и могу удостоверить точность зоринских характеристик. Полным откровением для меня явились страницы, посвященные Горькому. Мне кажется, что подобного об Алексее Максимовиче еще никто не писал. Леонид Зорин приоткрыл неведомые страницы, может быть, самой драматической литературной и человеческой судьбы нашего уходящего века. Причем сделано это на нескольких страницах кратко и невероятно емко. Так же — кратко и емко — дан портрет Михаила Горбачева.

Вообще “Авансцена” — литературный “экстракт”, не разбавленный ни вязью эпитетов, ни разговорами вокруг да около. Содержания этой книги хватило бы на многотомник. Но вспомним, что книгу написал все-таки драматург, лишь сравнительно недавно ставший прозаиком. Поэтому Зорин подсознательно бережет время, тщательно отбирает слова, и это прекрасно, хотя книга читается нелегко, приходится перечитывать абзацы, а иногда и целые страницы. Здесь таится еще одна особенность “Авансцены”.

Я не знаю сейчас литератора с таким словарным запасом, как Леонид Зорин. Должен искренне признаться, что не понимаю значения таких слов, как: “ювенилии, маргиналии, абсентеистский идеал”, но это, как говорится, не делает мне чести. И вместе с тем я искренне восхищаюсь производными словами Зорина из хорошо знакомых корней: “неублажимая работа, дистанцировался” и тому подобным. Взяв за основу своей литературы формулу Пушкина: “Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка”, — Зорин написал свою прозу как прирожденный прозаик. Он сам в “Авансце-

не” четко сформулировал: “Сцена не жалует литературу. Она не любит особых умствований, не ценит богатого словаря. Репризу предпочитает афоризму и бытовую отобранную речь — отобранной лексической ткани”. Как замечательно, что, перейдя на прозу, Леонид Зорин, Божьей милостью драматург, сумел сознательно стать прозаиком. Но вернемся к содержанию и жанру “Авансцены”.

Это трагическая книга. Я был свидетелем многих событий, рассказанных автором. Я видел лицо великого режиссера Товстоногова после запрещения “Римской комедии”, которую он сам считал своим лучшим спектаклем. Я общался с Львовым-Анохиным, которому в Кие-

ве закрыли “Транзит”. Я, наконец, разговаривал с Роланом Быковым, которому не разрешили играть Пушкина. Теперь помножим на десять переживания самого создателя этих пьес и будем восхищаться, как он нравственно выжил, да еще сумел об этом написать!

“Авансцена” Леонида Зорина — книга, по которой будут изучать эпоху. Потому что наряду с микромиром жизни театра и кино автор с редкой достоверностью описывает полную драматизма жизнь великой страны с ее политическими катаклизмами. И опять. Какой спрессованный портрет и Хрущева, и Брежнева, и Горбачева. И какая же любовь к своему отечеству: портреты Баку, Москвы, Ялты, Юрмалы. Впрочем, виноват, три города из четырех за границей. Но для людей нашего поколения — это **навсегда** родина.

В “Авансцене” есть еще портреты театров. Театра Советской Армии, Станиславского, МХАТа (жесточайший! И справедливый) и... театра имени Вахтангова. На последнем портрете я позволю себе задержаться.

Театр имени Евгения Вахтангова особый театр, ни на какой другой не похожий. Театр, принесший автору “Авансцены” самые большие радости и самые горькие обиды. И вместе с тем о нем ничего, кроме хорошего, да еще восхищение Борисовой, Ульяновым, Плотниковым. Только все самое лучшее. Я так же, как Зорин, любящий этот театр “беспросветной” любовью, так бы не смог. Насколько же Зорин-прозаик добрее, чем Зорин-драматург. Впрочем...

Когда речь заходит об одном персонаже женского рода, к Зорину в “Авансцене” возвращается меч Ювенала (вот и я заразился мовизмом автора книги!). Этот персонаж женского рода — **власть!** Леонид Зорин нигде не сводит счеты с палачами своих пьес и спектаклей, почти никого не называет поименно, но с какой же пронзительной болью пишет об этом явлении, названия которому нет. Впрочем, в одном месте автор срывается. Когда старые актеры МХАТа при разгроме “Медной бабушки” в качестве дубинки используют имя затравленного той же властью Михаила Булгакова. Сердце обливаётся кровью, когда читаешь эти строки, как и многие другие, превосходной и глубоко драматической книги. И все же. Сквозь все печальные, мрачные страницы я вижу веселые озорные глаза автора, которого всегда уважал, а полюбил еще больше, прочитав “Авансцену”.

В заключение моей затянувшейся рецензии приведу слова Зорина. А он пишет: “...Значение писателя пало. Отныне он больше не миссионер, не проповедник и не учитель — сегодня он даже не духовник. В мою эпоху его преследовали. Теперь его просто не замечают”. Мрачный приговор. Надеюсь, что судьба “Авансцены” его опровергнет. Для этого я написал эту статью. Как сказал незабвенный Михаил Ромм: “И все-таки я верю!...”